

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук
Линь Инин
на тему: «Перволичная форма повествования
в русской и китайской дневниковой прозе
(Н.В. Гоголь и Лу Синь, Ю.В. Жадовская и Дин Лин)»,
по специальности 5.9.3. – Теория литературы.

Монолог от первого лица существовал всегда и является, кажется, базовой формой высказывания. Несмотря на провокативное паскалевское утверждение «Я – вещь ненавистная», я-повествование предполагает разговор о себе, и в литературах разных стран формируются особые первичные и вторичные речевые жанры, в которых повествование от первого лица становится основой структуры.

Эпическая дневниковая проза от первого лица на русском языке довольно подробно изучена. Это в первую очередь диссертации Подлубновой Юлии Сергеевны «Метажанры в русской литературе 1920 – начала 1940-х годов (коммунистическая агиография и «европейская» сказка-аллегория)» (2005), Сорниковой Марии Яковлевны «Жанровая структура «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина» (2006) и множество других, на которые ссылается автор данной диссертации. Особенность данного исследования состоит, во-первых, в том, что оно посвящено именно грамматической структуре как основе поэтики, во-вторых, в том, что оно направлено на изучение взаимосвязей русской и китайской литературы, поиске сходжений и знаковых различий перволичного повествования.

Работа строится на стыке сравнительного литературоведения и исторической поэтики, но главным, как мне представляется, становится

все же теоретико-литературный вопрос о том, как повествование от первого лица структурирует текст.

Актуальность диссертационного исследования состоит в том, что я-повествование сегодня находится на пике изучения. Однако именно такой угол зрения, двойной ракурс на русскую и китайскую литературу, никогда не был положен в основу диссертации о грамматике и поэтике первого лица, проблема сформулирована блестяще (один из восьми китайских мудрецов Хань Сян-цзы считал, что «если ты задаешь вопрос, значит, уже знаешь половину ответа»), и уже потому диссертация состоялась.

Отдельной похвалы заслуживает методология исследования. В середине прошлого века Л.В.Щерба и В.П.Григорьев не пытались «делить» науку на лингвистику и литературоведение, теорию и историю литературы, а использовали различные области науки для решения частной филологической проблемы. Поэтика грамматики стала отдельным фронтом исследовательских работ уже ближе к концу века, когда появилась книга Григорьева (Григорьев В.П. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979), монография Гина (Гин Я.И. Проблемы поэтики грамматических категорий: Избранные работы. СПб.: «Академический проект», 1996.), а также работы И.В.Фоменко о поэтике служебных слов. Эта теория литературы строится на лингвистической базе, но предполагает исследование литературоведческих проблем и контекстов и, по сути, становится базой для понимания современной поэтики текста как таковой и обеспечивает *достоверность и научную новизну работы*. Автор данной диссертации идет вслед именно за этой традицией и предлагает свою концепцию поэтики повествования от первого лица.

На интерес к грамматической категории как таковой указывает уже первая задача диссертации («Описать семантику и определить

функции первого и третьего лица в поэтическом языке, на материале русской и китайской поэзии... установить происхождение...категории безличности в этих двух литературных традициях», с. 12-13). Однако одна и та же грамматика может иметь разные функции в разных контекстах, не только широких (контекстах русской и китайской культуры), но и узких (рамки одного текста). Это противоречие было описано еще А.К. Жолковским при составлении антологии инфинитивной поэзии (Русская инфинитивная поэзия XVIII–XX веков. Антология / Составление, вступ. ст. и примеч. А. К. Жолковского; науч. ред. М. В. Акимова. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 560 с.). Нам представляется, что автор диссертации находится лишь в начале пути, стремясь выявить жесткую модель функционирования первого лица в художественном тексте. И совершенно справедливо автор приходит к выводу о том, что «"повествование от первого лица" представляет собой не столько грамматическую форму, сколько сложный нарративный механизм» (с. 100).

Материал исследования обширен, но подчинен жесткой логике: я-повествование рассматривается только в двух ипостасях, повествователь-«сумасшедший» и «женщина», что вполне отвечает специфике китайской литературы, да и в русской встречается часто.

Степень обоснованности положений, выносимых на защиту, научных выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизна не вызывает сомнений, кроме части первого тезиса, но об этом подробнее будет сказано в разделе вопросов и замечаний. Опора на исповедальную традицию русской прозы, описание синтеза национальных традиций и зарубежных влияний, подробный анализ видов наррации даны в диссертации со всеми необходимыми ссылками и комментариями.

Структура диссертации подчинена ее цели: в первой главе описывается проблема категории лица в языке художественной литературы, заданная еще Гином (Гин Я.И. Поэтика грамматической категории лица // Гин Я.И. Проблемы поэтики грамматических категорий: Избранные работы. СПб.: «Академический проект», 1996. С. 109–119, впрочем, ссылка на эту работу есть в диссертации); вторая глава задает параметры сопоставления перволичного повествования в русской и китайской прозе; в третьей главе формулируются главные принципы перволичного повествования в жанре дневника: тип нарратора, его точки зрения и психологизм; в четвертой главе анализируются особенности психологической обрисовки героя в перволичном повествовании. Возможно, лучше было бы структурно выделить части, посвященные отдельно китайскому и отдельно русскому жанру дневника, чтобы подчеркнуть сначала их уникальность, а уже затем говорить о сближениях, но и в существующем виде структура выглядит по-своему логичной.

Правда, вызывает сомнение мысль китайского нарратолога Шэнь Дань про слияние в ретроспективном повествовании перспектив «я-повествующего» и «я-переживающего», она кажется не вполне применимой к эпическому повествованию, где наблюдатель и герой могут бесконечно сближаться, но никогда не сливаются, они (как у Бахтина) «нераздельны и неслиянны», и эту неслиянность обуславливает эпическая дистанция, зазор между чувствующим героем и рассказывающим о нем повествователем, даже если это одно лицо. Дополняя тезис диссертанта о том, что «повествующий субъект в таком нарративе не обязательно тождественен объекту повествования» (с. 96), следует сказать, что они никогда до конца не тождественны.

Здесь возникает необходимость уточнения тезиса о слиянии точек зрения нарратора и персонажа. Если это эпический текст, то слиянию

препятствует эпическая дистанция. Если это традиции лирики, то, скажем, подобные процессы происходят в ролевой лирике, но и там слияние не всегда полное. О субъектных и коммуникативных схемах в лирике написаны две важные книги (кроме приведенных в диссертации): Бройтмана (Бройтман С.Н. Русская лирика XIX–XX века в свете исторической поэтики. Москва: РГГУ, 1997. 307 с.) и Романовой (Романова И.В. Поэтика Иосифа Бродского: Лирика с коммуникативной точки зрения: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. 184 с.). Кроме того, в 2024 году вышла коллективная монография «Субъектная структура лирики», в которой задаются основные классификации субъектов.

Интересен тезис о том, что «истoki перволичного повествования в китайской литературе как формы лирического выражения лежат в поэзии – высшей и долгое время единственной признанной форме художественного творчества» (глава 1, с.43). Мне кажется, этот тезис недооценен до конца даже автором данной диссертации, поскольку он предполагает потенциально разную родовую природу перволичного повествования.

Плодотворно и замечание о том, что исповедь и дневник «генетически связаны и близки друг другу» (глава 2, с. 53). И дело не только в исповедальной интенции, но и в самой структуре повествования, когда дневник становится буквально самоотчетом и формой покаяния, что отражается и на самом нарраторе.

Важное замечание сделано о том, что юаньская драма «оказала большое влияние на психологическое изображения в прозе. Некоторые драматические персонажи в китайской культуре стали символами определенных типов эмоций в эпических произведениях» (с. 65). Вообще тезис о соотношении разнородовых процессов в китайской литературе требует дальнейшего пристального изучения.

Интересны наблюдения в четвертой главе относительно «безумца» как типа повествователя в русской и китайской прозе, позволяющие по-новому взглянуть и на нарратора повести Гоголя.

Несмотря на благоприятное впечатление от диссертации, есть и *вопросы и замечания*, которые касаются в основном теоретических проблем, лежащих в поле интереса оппонента.

1. В положениях, выносимых на защиту, смешиваются понятия «поэзия» и «лирика» (см. положение 1 и далее в главах 1-2), например: «Категория лица играет ключевую роль в организации поэтического текста. Наиболее ярко она проявляется в лирических текстах, которые традиционно рассматриваются как речь от первого лица, передающая субъективное восприятие мира» (с. 23). В результате речь идет о двух формах организации речи (поэзии и прозе), различия которых лежат в сфере структуры, а не субъектности (об этом см. работы Ю.Б. Орлицкого, в частности: Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. Москва: РГГУ, 2002). Категории субъектности все-таки зависят не от расположения текста в столбик или строчку, а от родовой принадлежности текста (эпос или лирика). Вероятно, в результате в диссертации речь идет об эпической прозе и лирической поэзии. Но если это приблизительно понятно на материале русской литературы, то на материале китайской, возможно, все не столь однозначно, поэтому проблема требует выяснения и уточнения на защите.

2. Заглавие первого параграфа главы 1 «Первое лицо в поэтическом языке» вызывает вопросы. Речь идет о поэзии (возможно, лирической поэзии), следовательно, поэтический язык (далее ПЯ) – это язык поэзии? Или речь идет об особом «языке лирики»? Или же ПЯ понимается вслед за Д.С. Лихачевым и М.И. Шапиром как язык художественной литературы? Ю.М. Лотман полагал, что термины «не особые слова, а слова в особом значении», но именно значение в

данном случае и хотелось бы прояснить. Ведь на этом понятии во многом строится концепция диссертации, основополагающая первая глава описывает «первое лицо в поэтическом языке» и «безличность как поэтический принцип». Если это язык поэзии, то можно ли тогда говорить о «прозаическом языке», и каковы будут доказательства его существования?

Разумеется, вопросы и комментарии являются дискуссионными и не умаляют значимости диссертационного исследования. В целом диссертация, безусловно, актуальна. Ее новизна не вызывает сомнений. Уровень научного исследования позволяет говорить не только о дотошно сделанном анализе дневников русских и китайских авторов, но и о множестве перспективных заделов на будущее, о внесении автором своего вклада как в теорию изучения жанра дневника, так и в практику жанрового анализа текстов эпической прозы России и Китая. Диссертация Линь Инин является состоявшимся научным исследованием, основные результаты исследования прошли апробацию на конференциях различного уровня, отражены в научных публикациях Линь Инин и в выступлениях на конференциях.

Диссертация «Перволичная форма повествования в русской и китайской дневниковой прозе (Н.В. Гоголь и Лу Синь, Ю.В. Жадовская и Дин Лин)» отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.3. – Теория литературы (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора

наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Линь Инин заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3. – Теория литературы.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
профессор кафедры истории и теории литературы
филологического факультета
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Артёмова Светлана Юрьевна _____

5.03.2026

Контактные данные:

тел. _____, e-mail: _____

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

Адрес места работы:

170002, г. Тверь, проспект Чайковского, дом 70,
Тверской государственный университет, филологический
факультет, кафедра истории и теории литературы.

Тел.: +7(4822)58-06-88; e-mail: Artemova.SY@tversu.ru